

Дмитрий Бреслер

«Праздник “Митинового журнала”»

АРХЕОЛОГИЯ САМИЗДАТА

Dmitrii Bresler

«“Mitin Journal” Celebration»: the Archaeology of Samizdat

Дмитрий Бреслер

Университет им. Гумбольдта, Берлин,
институт славистики и венгероведения;
научный сотрудник
dmitrii.bresler@hu-berlin.de.

Dmitrii Bresler

Humboldt University of Berlin; Institut für Slavistik
und Hungarologie; Research Fellow
dmitrii.bresler@hu-berlin.de.

Ключевые слова: самиздат, неофициальная культура перестройки, Митин журнал, Дмитрий Волчек, Аркадий Драгомощенко

Keywords: samizdat, unofficial Perestroika culture, Mitin journal, Dmitrii Volchek, Arkadii Dragomoshchenko

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_196

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_196

«Митин журнал» был одним из самых заметных и влиятельных изданий неофициальной литературы в период перестройки и, что примечательно, единственным неподцензурным изданием такого рода, продолжавшим выходить и после распада Советского Союза. Несмотря на свою значимость, материалы журнала до сих пор остаются вне поля зрения исследователей неофициальной культуры и самиздата. В отличие от многих деятелей независимой прессы, редакционный коллектив «Митинового журнала» не рассматривал самиздат лишь как временный способ сохранения неконвенциональных художественных практик в условиях цензуры. Напротив, участники и участницы редколлегии осознанно воспринимали его как актуальный способ художественного выражения, сформированный коммуникативными реалиями андеграунда. Сквозь призму «Митинового журнала» история самиздата предстает не линейной или прогрессивной, а скорее воспринимается чередой записей культурных и эпистемологических открытий в процессе использования кустарных медиа.

«Mitin Journal» was one of the most prominent and influential publications of unofficial literature during the Perestroika period, and notably, the only self-crafted magazine of its kind to continue after the collapse of the Soviet Union. Despite its significance, the journal's practices have remained largely overlooked by scholars of unofficial culture and samizdat. Distinct from many figures of the independent press, the editorial collective behind «Mitin Journal» did not view samizdat merely as a makeshift method of safeguarding non-Soviet poetic traditions under conditions of censorship. Instead, they embraced it as a deliberate and relevant mode of artistic expression shaped by the communicative realities of the underground. From the perspective of «Mitin Journal», the history of samizdat is not a linear or progressive narrative, but rather a record of cultural and epistemological insights that emerged through unofficial media practices.

Несмотря на то что неподконтрольная власти словесность существовала всегда¹, история советской неофициальной литературы может быть признана в один момент завершенной. 12 июня 1990 года I Съездом народных депутатов РСФСР

1 Ср.: «Неподконтрольное власти письменное слово в России существовало, вероятно, столько же времени, сколько и подконтрольное» (Долгин В. Ленинградский периодический самиздат середины 1950-х — 1980-х годов // Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) СПб., 1993. С. 3).

был принят закон «О печати и других средствах массовой информации», который утверждал обещанную еще в 1917 году свободу прессы и законодательно закреплял заявленную в 1986 году Горбачевым гласность. Вместе с падением цензуры утрачивал актуальность и механизм ускользания от нее. Отточенная за позднесоветские десятилетия технология самиздата — кустарного производства и подпольного распространения текстов, изображений и аудиозаписей — в глазах влиятельных представителей неофициального культурного сообщества приобретала черты атавизма, становилась неактуальной и определялась как артефакт культурного и политического сопротивления прошедшего времени.

В последующие десятилетия сложилась устойчивая исследовательская традиция ограничивать культурную историю самиздата еще более ранним рубежом — началом перестройки. Показательным в этом отношении является опыт Анны Комароми и Геннадия Кузовкина, составителей «Каталога периодики самиздата. 1956–1986»². На страницах каталога представлены сведения о 302 периодических изданиях, главным критерием отбора которых являлась их «неподцензурность» («тексты не представлялись издателями для цензурного контроля»³) и условная публичность («в справочник не отбирались исключительно домашние журналы и газеты»⁴). Во введении Кузовкин также объяснял выбор хронологической рамки каталога. Спорной — а потому требующей распространенной доказательной базы — исследователю представляется дата начала истории советской неофициальной печати, тогда как определение верхней границы для него не является предметом для обсуждения: «Верхней границы мы не станем касаться, тут можно наблюдать определенный консенсус: исчезновение или трансформацию Самиздата в альтернативную прессу исследователи довольно единодушно датируют временем смягчения цензуры в 1987–1988 годах»⁵.

Выбранные критерии отбора и систематизации неофициальной периодики только на первый взгляд выглядят стройными и непротиворечивыми. Действительно, работа над законопроектом о печати 1990-го года была долгой и велась еще с 1986 года⁶, однако остается неясным, какие формальные административные критерии позволяют составителям зафиксировать исчезновение неподцензурной печати до вступления в силу соответствующего официального государственного решения. Критерий публичности — еще менее верифицируемый. В каталог тем не менее включены «домашние журналы и газеты», по-видимому, на том основании, что они были талантливо сделаны и известны благодаря сопутствующей или последующей активности их редакторов. Как иначе формально определить, скажем, журнал «Метродор»⁷, задуманный молодыми филологами-классиками в коридорах ЛГУ, или журнал «Молчание» Дмитрия Волчека и Юрия Галецкого⁸, полный салонных

2 Комароми А., Кузовкин Г.В. Каталог периодики самиздата. 1956–1986. М., 2018.

3 Кузовкин Г.В. Введение // Комароми А., Кузовкин Г.В. Каталог периодики самиздата. 1956–1986. М., 2018. С. 12.

4 Там же.

5 Там же. С. 13.

6 Федотов М.А. Закон СССР о печати как юридическое чудо // Новое литературное обозрение. 2007. № 1 (83) (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/1/zakon-sssr-o-pechati-kak-yuridicheskoe-chudo.html?ysclid=m9pm6ar4we44433209>).

7 Комароми А., Кузовкин Г.В. Каталог периодики самиздата. 1956–1986. С. 49.

8 Там же. С. 50.

литературных игр, в которых едва ли могли принять участие все посетители просторной квартиры последнего?⁹ Более того, как возможно противопоставлять публичность неофициальных литературных проектов и частную жизнь их зачинателей, если производство и дистрибуция самиздата были принципиально завязаны на личном знакомстве участников и участниц сети распространения?

Позднесоветский неофициальный дискурс (1956–1986) не имел институциональных механизмов для своей реализации, поэтому его коммуникативные процессы осуществлялись посредством детерриторизации — источник высказывания и среда его активности/действенности разнесены по разным сферам публичности. Резонанс самиздат-высказывания не был ограничен цепью закрытых (частных, маргинальных) сообществ, внутри которых оно производилось, и дискурсивно фиксировался посредством пространственного несовпадения с ними (в частности, такая регистрация могла происходить в среде русской эмиграции, позднее, к 1980-м годам, — в более широких контекстах западноевропейского андеграундного искусства и литературы). Представление о территориальной гомогенности дискурса андеграунда выработано анахронично — в силу близости андеграунда к диссидентскому дискурсу и участия последнего в демократических перестроечных дискуссиях. Следует также учитывать публичное влияние акторов неофициального движения на культурную повестку конца 1980-х — 1990-х.

Последний довод Кузовкина в пользу обозначенной верхней границы каталога — терминологический. Исследователь предлагает отличать самиздат от «альтернативной прессы». Нет сомнений, что самиздат в рамках искусствоведческих дисциплин — зонтичный термин, в границах которого могут пониматься не только перепечатанные копии на «Эрике», но и книги художника, рукописные артефакты, зины, фотоальбомы и проч. Однако, по-видимому, не различая внутри каталога бюллетени («Хроника текущих событий» и многие другие) и, например, толстые литературные журналы («Часы», «Обводный канал»), составители отступают от книговедческого порядка и источниковедческой точности. Решающим обстоятельством для них оказывается участие упоминаемой периодики в самиздате как медиасреде. Но как сами издатели и редакторы возникших проектов в поздние 1980-е, так и их современники — пионеры социальных исследований неофициальных культурных сообществ — однозначно использовали понятие самиздат для обозначения маргинальной и/или серой зоны советской культурной информации.

Что касается самиздата, то он в постоянном движении: с 1987 г. в его структуре появилось то, что никогда ему не было присуще. Это — десятки общественно-политических журналов и бюллетеней, к образованию которых привела перестройка общественного сознания в нашей стране. Раньше самиздат нес в себе ярко выраженные диссидентские тенденции противоборства с существующим

9 О журнале «Молчание», как и об альманахе «Гостиница», обозначенном в каталоге как приложение к журналу (Комароми А., Кузовкин Г.В. Каталог периодики самиздата. 1956–1986. С. 37), до последнего времени было известно крайне мало. Однако сейчас в нашем распоряжении находятся материалы из частного архива Дмитрия Волчека, проливающие свет на историю журнала и в целом на литературный быт круга Галецкого первой половины 1980-х годов. В обозримое время этому сюжету будет посвящена отдельная публикация.

тоталитарным режимом (есть и сегодня такие: «Поединок», «Свободное слово», «Экспресс-хроника»), но не они «делают погоду». Возникшие за последние 2–3 года новые издания в основном посвящают свои публикации тем проблемам, которые широко обсуждаются в обществе. Несмотря на то что некоторые темы подробно обсуждаются в официальной прессе, это новое направление в Самиздате — не механическое добавление к существующим источникам информации, но и новые темы, новые имена лидеров перестройки, новые углы зрения на общественную проблематику (альтернативные пути развития нашего общества, религия, неформальные группы радикального толка, культура и т.п.)¹⁰.

Исключение перестроечного самиздата из каталога неофициальной периодики на основании предложенных критериев представляется невозможным. Но оно вполне возможно на концептуальном уровне — в силу устойчивой диссидентской семантики неподцензурной печати в СССР.

25–27 апреля 1992 года в недавно организованном Государственном музее политической истории России состоялась конференция¹¹, посвященная истории самиздата (с акцентом на периодические издания, выходившие в Ленинграде). Чуть позже был опубликован сборник материалов конференции с лаконичным названием «Самиздат», ставший значимым высказыванием об истории неофициального движения. Если стараться описать предложенную в нем концепцию самиздата максимально кратко (и, конечно, не вполне корректно), то можно воспользоваться небольшой цитатой из статьи Вячеслава Долинина, одного из редакторов-составителей сборника:

Самиздат открывал читателю то, что замалчивала подцензурная официальная печать, он становился средством реализации творческого потенциала. В самиздат ушла общественная мысль, свободная от партийно-государственных установок, литература, не принявшая заповедей социалистического реализма¹².

Важно, что в этом пассаже происходит вполне маклюэновское смешение *medium* (самиздат) и *message* (политического и литературного). Тем самым самиздат мыслится не как особая медиальная форма, а прежде всего как носитель определенного содержания. Но при этом Долинин использует исключительно диссидентские коннотации неофициальной печати, игнорируя влияние специфического кустарного способа передачи текста на семантику сообщений. Кроме того, долининское определение самиздата не учитывает дискуссий вокруг поэтики неофициальной словесности, актуальных с конца 1970-х годов, участники и участницы которых стремились уйти от негативного определения андеграунда по отношению к советскому канону, чтобы выработать специфические самобытные черты неофициальной словесности¹³.

10 *Елгашин К.Б.* Самиздат — трибуна гласности // *Общественные и самодеятельные движения: проблемы и перспективы.* М.: НИИК, 1990. С. 250–251.

11 Конференция была организована при институциональной поддержке научно-информационного центра «Мемориал»*.

* НИЦ «Мемориал» Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

12 *Долинин В.* Ленинградский периодический самиздат середины 1950-х–1980-х годов // *Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы».* Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) СПб., 1993. С. 4.

13 Ср.: *Кривулин В.* Двадцать лет новейшей русской поэзии (предварительные заметки) // *Часы.* 1979. № 22. С. 240–263.

Выступавшие на конференции 1992 года почти всегда говорили от первого лица — каждый докладчик представлял собственный проект из позднесоветского прошлого, стараясь придать ему целостность, описать его программу. В сборнике есть реплики о литературных «толстых» журналах (от «Часов» до «Северной почты»), о социополитических изданиях («Информационный бюллетень СМОТа», «Перспектива»), о самиздате в университетах, а также об отдельных альманахах, собранных еще в 1960-е годы. Желание создать монументальную историю неофициальной печати подталкивало ее авторов к включению отдельных «домашних» альманахов, студенческих и заводских стенгазет, рукописных и печатных сборников, чтобы выстроить непрерывную и поступательную цепь событий.

Судя по материалам конференции, ценность истории самиздата заключается в ее завершении. Так, Вячеслав Долинин вместе с Дмитрием Северюхиным позднее написали более полный исторический обзор неофициальной советской печати в Ленинграде, и дважды в разных версиях текста, статейной и монографической, соавторы использовали для заглавия метафору дисфункции, недееспособности, недуга, преодоленного вопреки обстоятельствам. Самиздат — это «немота», а история самиздата — «Преодоление немоты»¹⁴.

Найденная формула суггестивно представляла консенсуальное мнение о советском неофициальном медиа, характерное для многих представителей андеграунда. Так, в 1985 году Борис Останин и Александр Кобак в рецензии на первые номера только возникшего тогда неофициального журнала иностранной литературы «Предлог» характеризовали общие законы устройства поля как «нормальные условия жизни в ненормальных условиях»¹⁵. Кроме того, эта формула намечает основные черты культурной эволюции андеграунда, последовательное прогрессивное движение которой обусловлено мессианским значением гласности, мыслимой, но никогда практически не достижимой в пределах исследуемого феномена.

Неудивительно, что в сборнике «Самиздат» почти ничего нет о перестроечной неофициальной печати, существовавшей в иной функциональной зависимости как от подполья, так и от официоза. В частности, в сборнике лишь кратко упоминается наиболее заметный литературный проект последнего периода советского андеграунда — «Митин журнал», созданный Дмитрием Волчком, Юрием Галецким и Аркадием Драгомощенко в 1985 году (с пятого номера к редакционной работе присоединилась Ольга Абрамович)¹⁶. Программа

14 Долинин В.Э., Северюхин Д.Я. Преодоление немоты. Ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения 1953–1991. СПб: Издательство имени Н.И. Новикова, 2000; Долинин В.Э., Северюхин Д.Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда: Литературная энциклопедия. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 7–51.

15 Фомин А., Чудиновская Т. [Останин Б., Кобак А.] Сообщение о «Предлоге» (Обзор сборника переводов Клуба-81, № 1–3) // Часы. 1985. № 58. С. 231.

16 «Митин журнал» упоминается трижды. Первый раз в обзорной статье Долинина, где изданию посвящен следующий пассаж: «С 1985 года Волчек издает “Митин журнал”. Помимо поэзии и прозы журнал помещал переводы, архивные материалы, филологические исследования. Особое внимание уделялось литературе авангарда и творчеству молодых авторов. В 1992 году вышел 43-й номер журнала. В том, что журнал существует до сих пор, большая заслуга Ольги Абрамович» (Долинин В. Ленинградский периодический самиздат середины 1950-х—1980-х годов // Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы».

журнала была ориентирована не на мемориализацию андеграунда, а на актуальное отображение новостей в области художественных практик, учитывавших медиальные установки самиздата и социокультурной активности представителей советского неофициального сообщества разных поколений.

Все это миновало, как сон золотой. Нет ни портвейна, ни Черненко, ни гебни, а кто теперь сидит на наших местах в сторожках и котельных — не знаю, и знать не желаю¹⁷.

Это фрагмент из редакторского введения к юбилейному, пятидесятому, выпуску «Митинога журнала» 1993 года — яркий образчик редакционного стиля издания, характерного для него с первого выпуска, который был набран на печатной машинке в количестве трех копий в январе 1985 года (под портвейн и при Черненко), — жонглирование хтоническими реалиями культурного застоя то ли с опереточным безумством Беранже (навевающим сон золотой в отсутствие правды святой¹⁸), то ли посредством метафоры исторической дистанции, доходящей до отрешенности, свойственной Георгию Иванову (глумящемуся над слепой надеждой человечества о «бессмертия с<не> золото<м>»¹⁹). Юбилейный выпуск был напечатан типографским способом, тиражом, принципиально большим, чем в самиздатское время. Однако редакция, как и прежде в середине 1980-х, когда с ироничным прищуром писала об «аполитичности», «арелигиозности» и «афилософичности» журнала²⁰, обращалась к тому же, что и прежде, имплицитному читателю андеграунда. Представляется, что сохранялась и эквивалентность аудитории в количественном отношении.

История «Митинога журнала» 1980-х — начала 1990-х годов лишена постаментов, потому как не предполагает своего завершения. Она на многие годы превосходит по протяженности «исторический андеграунд», однако не представляет собой эстетический монолит, но каждый раз приглашает к участию / сотворчеству / перформативному воспроизведению художественных практик, продуцируемых благодаря взаимодействию с медиальным механизмом, актуальным для андеграунда. На страницах «Митинога журнала» печатались новые (и старые новые, переводные и «возвращенные») тексты, интересные определенному кругу людей советского культурного подполья, посредством которых они могли выражать эстетическую обособленность и оригинальность. Кроме того, материалы журнала репрезентировали прагматическую ситуацию

Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) СПб., 1993. С. 19). Также «Митин журнал» упоминается Борисом Ивановым как один из проектов, запущенных на площадке «Клуба-81» (Иванов Б. По ту сторону официальности // Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) СПб., 1993. С. 87), и в биографической справке о Владимире Эрле как одно из мест, где публиковались его тексты (Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) СПб., 1993. С. 141).

17 Волчек Д. От редактора // Митин журнал. 1993. № 50 (URL: <https://www.vavilon.ru/metatext/mj50/red.html>).

18 Беранже П.-Ж. Безумцы // Беранже П.-Ж. Сто песен. М.: Художественная литература, 1966. С. 263.

19 Иванов Г.В. Стихотворения // Новая библиотека поэта. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 460.

20 Евтушенко И.Е. [Волчек Д.] <Без заголовка> // Митин журнал. 1985. № 3. Б.п.

андеграунда посредством трансгрессивных практик — изощренная поэтика текстов выражала самостоятельный и сознательный тип субъективации представителей неофициального сообщества. В самиздатский период издания рефлексировалась внешняя защитная «аполитичность» сообщества вокруг толстых неофициальных литературных журналов, заявленная как способ снижения риска фабрикации дел и заключения под стражу еще с момента их возникновения в середине 1970-х годов. Именно такая рефлексия уходящей эпохи может быть противопоставлена тезисам, развитым на конференции в музее политической истории.

Образчики альтернативной концепции самиздата нетрудно обнаружить в общественных дебатах перестроечного времени, однако до сих пор едва ли учитываются соответствующими исследователями. Еще в 1992 году Андрей Левкин писал:

Полностью отменены иллюзии семидесятников, в известной степени продержавшиеся чуть ли не до конца восьмидесятых, а именно представление о том, что «независимая», «вторая» культура предполагалась носителем истинных высокодуховных ценностей, которые, после рассеяния аки дым ценностей ложных, должны повсеместно овладеть массами с вытекающими отсюда последствиями для культуры «независимой»²¹.

Вместе с тем, по мнению критика, не была снята поэтологическая повестка самиздата, а также аналитические задачи, связанные с ней:

...представляется, что ничто существенное не отменилось — полагая под этим существенным то, что заставляло присутствующих на протяжении определенного времени ставить в текстах слова рядом друг с другом определенным образом. То есть — их можно продолжать ставить тем же манером, и это естественная и единственная основа²².

8–9 августа 1992 года в галерее «Борей» Ольга Абрамович организовала «Праздник “Митинового журнала”», который можно интерпретировать как своего рода ответ апрельской конференции «Самиздат». Несмотря на то что не было никаких формальных поводов (ни юбилея, ни памятных дат), праздник, по замыслу Абрамович, должен был подвести итоги истории самиздатской периодики, однако собравшиеся в «Борее» поставили вместо точки (как это было сделано их коллегами на правом берегу Невы) — точку с запятой. Литературный лейбл «Митин журнал» должен был собрать авторов новых издательских проектов, корни которых уходили в андеграунд 1980-х годов (в силу личной биографии участников и участниц или авангардной поэтики текстов, отобранных в портфели готовящихся журналов). Неслучайно на «Праздник...» были приглашены уже упоминавшийся нами Андрей Левкин, редактор влиятельного в неофициальной среде государственного журнала «Родник», выходившего в Риге, московский литератор Николай Шептулин, задумавший журнал «Место печати», впоследствии ставший главной площадкой для московской концептуалистской сцены 1990-х, и др. Во многом событие стало возмож-

21 Левкин А. Господа, коллеги! // Митин журнал. 1992. № 47–48 (URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4748/levk.shtml>).

22 Там же.

ностью встречи для издателей и их потенциальных авторов. Люди перестроечной культуры должны были отметить переход к новому этапу культурной истории. От ксерокса и ротопронта — к промышленной печати.

Но помимо деловых встреч на «Празднике...» читались доклады и велась дискуссия о «Песке и воде», инициированная Аркадием Драгомощенко. Заглавная метафора философского коллоквиума, включенная в контекст симпозиума, является репликой-интерпретацией феномена самиздата. Реплика, скорее, имплицитная, приглашающая поразмышлять об уходящем недавнем прошлом, оставляющем неотрефлексированное наследие без интенции к манифесту, но направленная на формализацию «немоты», разбор прагматических свойств «немого» художественного высказывания. Если на апрельской конференции предлагалась историческая концепция самиздата, то на празднике в августе воспроизводилась археология самиздата и тех медиальных средств, которыми пользовались участники неофициального культурного сообщества, — репрезентированных метафорами «песка» и «воды», одними из самых хрупких и перманентно мутирующих образов, доступных для памяти и (со)хранения. В 45–46-м номере «Митиного журнала» была опубликована стенограмма дискуссии в «Борее» под ироническим заголовком «Море, камушки, песок...».

Первое слово коллоквиума было предоставлено Александру Секацкому, тогда вольному философу, в конце 1970-х изгнанному из университета за антисоветскую деятельность, но сумевшему вернуться в академию на исходе перестройки. Он обозначил интерпретационные границы заявленных образов, сталкивая песок и воду в парадигме памяти и забвения, однако — и что, кажется, навеяно опытом взаимодействия с неофициальной культурной информацией — вопреки прямой ассоциации песчаных кристаллов с крупницами знания, источаемыми, вымываемыми летежскими водами, Секацкий видит именно в воде, «размывающ<ей> и отдаляющ<ей> память <...>, в высшей степени творческ<ое> начало»²³.

По мнению философа, идеальная память — импринтинг, — механическое воспроизведение изобретенного или однажды найденного, связывает руки мыслящему субъекту, замещает мышление и творчество — повторением и абстрагированием. Так, если взрослый человек с легкостью ребенка мог бы усваивать иностранные языки, глобальное влияние английского уничтожило бы языковое разнообразие. Аналогично патентные службы, удостоверяющие память об уникальном, отнимают, по мнению Секацкого, существенное количество времени и сил у изобретателей, которые можно было бы потратить на новые изобретения. Картины, вывешенные в музейных залах, свидетельствуют о смерти искусства — они отрываются от действительности, в которой бытовали, от традиции, к которой в действительности принадлежат. Используя различные, иногда будто слабо связанные аргументы в пользу креативной силы забывания, Секацкий приходит к выводу, что подлинная культура всегда процессуальна, в определенном смысле эмансипирована от эволюционных культурных процессов большой истории, рождается в узком кругу знакомых, интересных друг другу людей.

23 Море, камушки, песок. Стенограмма коллоквиума «Вода и песок» 8 августа 1992 года // Митин журнал. 1992. № 45–46.

...необходимо расщепить большой круг памяти, большой круг ноосферы, на отдельные малые концентрические круги, где в принципе существует лишь несколько человек, которым это интересно, они знают друг друга, ты прочитал то, что я написал, я оценил тот фильм, который ты сделал, мне интересно твое суждение, тебе интересно мое. Может быть, Суинберн или Шелли написали лучше, и их было бы интереснее прочитать, но еще важнее зона личного контакта, зона персональной адресованности. Это как бы важнейшая из культурных ценностей» <...>

...разрушить этот круг большой памяти, эту иллюзорную одержимость волей к бессмертию, которая оказывается иллюзией²⁴.

Секацкий, по существу, предлагает переосмыслить подпольное состояние неофициальной советской культуры, представить его не как вынужденное и временное, а как максимально продуктивное для творчества. При этом он не использует возможный аргумент постструктуралистской концепции цензуры — как скрепляющего структурного элемента культурной индустрии²⁵, но как будто выносит за скобки репрессивное положение самиздата. Для Секацкого не важно, в силу каких именно советских обстоятельств была создана сеть микросообществ, связанных между собой кустарным медиа, он видит эту сеть как реализацию постструктуралистской теории текста. Оказавшись в ситуации гласности, Секацкий предлагает продлить опыт андеграунда в условиях постмодернистской культурной повестки — уже независимой от советской цензуры, но, безусловно, подвластной (само)цензуре институционального поля литературы (Бурдьё) и испытывающей цензуру как *incitement to discourse* (Фуко).

В дискуссию с Секацким вступил Дмитрий Кузьмин, поэт и создатель Союза молодых литераторов «Вавилон», случайно оказавшийся в те дни Ленинграде, чтобы встретиться с друзьями. Кузьмин увидел противоречие в рассуждениях философа, не понимая, как «персональная адресованность в искусстве, зона личного контекста», значимая для художественного высказывания, артикулируемого Секацким, соотносится с концепцией имперсонализированного автора — «формы воспроизводства текстов»²⁶. Вероятно, замешательство Кузьмина связано с тем, что он не считал в пассажах о «салонном» производстве текста попытку объективировать ситуацию «Смерти автора» Ролана Барта и Мишеля Фуко, имплицитно подразумеваемую Секацким для советского андеграунда, — ситуацию, в которой литературный текст не является фетишем, производящим манипуляции (пусть даже и маргинальной) культурной идеологии, но оказывается точкой единовременного внимания случайного набора

24 Там же.

25 Ср.: «New Censorship Theory sees censorship as a diffuse, ubiquitous phenomenon in which a host of actors (including impersonal, structural conditions) function as effective censors. These “structural” forms of censorship may be based upon the effects of the market, ingrained cultural languages and grammars, and other forms of impersonal boundaries on acceptable (and indeed intelligible) speech. <...> New Censorship Theory has overturned a paradigmatic model in which censorship constitutes an extraordinary, repressive intervention into the default norm of “free speech,” a violation of a natural freedom usually, if not exclusively, undertaken by agents of the state. In place of the dichotomy of free speech and censorship, New Censorship Theory offers a conception of censorship as a ubiquitous, even necessary part of communication» (*Bunn M. Reimagining Repression: New Censorship Theory and After // History and Theory. 2015. № 54. P. 27*).

26 Море, камушки, песок. Стенограмма коллоквиума «Вода и песок» 8 августа 1992 года // Митин журнал. 1992. № 45–46.

иницированных акторов, наделяющих его сменяемой семантикой. Аркадий Драгомощенко, автор идеи коллоквиума о «Песке и воде», вступая в спор, предложил использовать другой пример из новой, едва осваиваемой текстуральной среды, но также понимаемой им сквозь призму медиального опыта недавнего прошлого:

Но давайте представим теперь, что мы находимся в другой системе коммуникаций, другой системе знаний: в электронной. Является ли в этом случае книга, которую я, скажем, написал и передал по электронной сети моему приятелю в Америку, а она по пути подхватила еще сто пятьдесят тысяч читателей — фетишем? Нет. Мой приятель прочтет ее и тут же отправит обратно со своими замечаниями на полях, которые я как автор введу в текст и опять отправлю как мою книгу... Является ли эта игра, которая бесконечна, книгой или текстом, который распределяется каким-то образом и каким-то образом существует в силу каких-то условий?²⁷

Реплики Секацкого и Драгомощенко показательно резонируют с последующими интерпретациями структуры самиздата в академической литературе. Так, о самиздате как о читательской книжной культуре размышляет исследовательница Жозефина фон Цитцевитц в монографии «The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union» (2021). Она описывает структуру литературной позднесоветской индустрии, опираясь на коммуникативную схему Роберта Дарнтонa, воспроизводящую технические условия дистрибуции текста от автора к читателю²⁸, тем самым картографируя официальные и неофициальные культурные институции. Система «госиздата», по мнению Цитцевитц, исключает или, по крайней мере, минимизирует значение таких факторов, как востребованность книги у читателей, актуальность интеллектуального сообщения литературного текста, и реализуется почти только исключительно в силу идеологического запроса государства. Самиздат, напротив, нивелировал типичные экономические критерии книгоиздания уже по причине «кустарных» условий производства и «сарафанной» дистрибуции²⁹. Исследовательница заключает, что если государственная печать была авторо-ориентированной, то самиздат находился в ведении читательской инстанции, поддерживающей эстетическую и/или политическую автономию от проскрипций государства: «All... functions, from the decision to publish in the first place to printing, shipping/distributing, selling, binding and stocking, and preserving for posterity were carried out by the reader»³⁰.

Называя самиздат «a culture of readers and networks»³¹, исследовательница предполагает демократическое устройство социального взаимодействия внутри сообществ андеграунда, влияние рецепции на производство художественного сообщения. Однако фон Цитцевитц не обращает внимание на то, как смещение коммуникативных полюсов воздействует на структуру дискурса, —

27 Там же.

28 *Zitzewitz J. von. The Culture of Samizdat. Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union. London: Bloomsbury Academic, 2021. P. 15.*

29 *Ibid. P. 15–16.*

30 «Все... операции, от принятия решения о публикации до печати, отправки/распространения, продажи, переплета, хранения и сохранения для потомков, выполнял читатель» (пер. мой. — Д.Б.). *Ibid. P. 16.*

31 *Ibid. P. 5.*

в функциональном смысле ее читатель идентичен автору, его авторитет и привилегированное право на интерпретацию обуславливаются опасностью уголовного наказания. Драгомощенко и Секацкий исследуют читателя самиздата именно в бартовском смысле, подразумевая возможность существования децентрированного, неустойчивого текста. Самиздат для участников и участниц коллоквиума «Песка и воды» оказывается постструктуралистской средой художественной коммуникации между читателями-скрипторами.

В некотором смысле устройство «Праздника...» структурно соответствовало поэтике и прагматике культурного взаимодействия в «песках» самиздата. В материалах, касающихся «Праздника...», и в воспоминаниях посетивших «Борей» тем августом едва ли обнаруживается эксплицитная рефлексия о советской неофициальной культуре, мы не находим пророчеств и итогов — неназванная эпоха, будто бы растворенное гласностью медиальное бессознательное самиздата, обуславливает разрозненные реплики и рассуждения.

«Праздник...», как уже было упомянуто выше, включал в себя одновременно несколько параллельных событий, по-разному (не)отмечавших переход в новый культурно-исторический период. Это были упомянутые нами коллоквиум и литературный питчинг, но кроме переговоров и дискуссий в «Борее» проходила регулярная сборная выставка. В проходе в залы висели ксероксы с изображением католических, протестантских, готических соборов, их привез из Калининграда автор «Митинога журнала», эссеист и поэт Андрей Писаревский. В первом зале от прохода висели абстракции на фотобумаге Инги Нагель. Во втором зале была выставка экспрессионистских полупорнографических картин маслом или акрилом Остапа Драгомощенко. В третьем зале — три крошечных монотипии Алексея Бобрикова, искусствоведа, впоследствии ставшего старшим научным сотрудником РИИИ. В четвертом зале были большие квадратные холсты московских художников Натальи Абалаковой и Анатолия Жигалова (группа Тотарт): на них были наклеены покрашенные сплошным локальным цветом рисовые зерна в разных конфигурациях. Аудитории «Праздника...» и регулярной программы музея не разделялись, работы художников находили образное соответствие концепции Абрамович и Драгомощенко, будь то несовершенные (некачественные) «самиздатские» изображения архитектуры, абстрактные, «проявляющиеся» на фотобумаге объекты, лакированные природные объекты, бердлеевская эротика³².

Текст «Песка и воды» впитывал разрозненные и разнесенные по месту и времени выражения разные, не всегда четко проявленные, медиальные свойства. В 47–48 номере «Митинога журнала» было опубликовано четыре материала, так или иначе связанных с «Праздником...».

Андрей Левкин, приглашенный к участию в коллоквиуме, вместо реплики подготовил письмо и «доставил его лично, во-время и по назначению»³³. От-

32 Порнография как ресурс концептуализации культурной ситуации начала 1990-х годов, с одной стороны, проводился по памяти о неофициальной советской практике (наряду с печатной продукцией запрещенная к печати по политическим причинам порнография в СССР была нецензурна законодательно), с другой — подсказан открытыми и переведенными тогда текстами С. Зонтаг, Ж. Батая и др. В декабре 1992 года состоялся третий семинар Коллегии «Песка и Воды» на тему «Политика тела: Порнография», материалы которого были опубликованы в «Митинога журнале» (№ 49, 1993).

33 Левкин А. Господа, коллеги! // Митин журнал. 1992. № 47–48 (URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4748/levk.shtml>).

рывки из этого письма уже цитировались выше, из них ясно, что критик весьма буквально понял проблематику коллоквиума и предполагал, что наследие андеграунда актуально, потому что неофициальное сообщество и отдельные его представители (Левкин упоминает Драгомощенко и Кутика) востребованы и креативны.

...воспринимать тему приходится исключительно как эвфемизм для любой дихотомии вроде «с одной стороны, а с другой стороны» или «во-первых, но во-вторых», что, в свою очередь, свидетельствует о том, что мы, похоже, вновь оказываемся перед лицом совершенно недифференцируемой действительности, что и требует опять начать все заново, проведения первого по ней разреза. В наших, я полагаю, интересах³⁴.

Кажется, сама выбранная Левкиным форма высказывания может рассматриваться как перформативная метафора кустарного медиа — письмо, предполагающее физическую дистанцию в процессе коммуникации, оказывается доставлено отправителем лично и в нужное время — типичным для самиздата способом детерриторизации — присутствия в поле высказывания, будучи вынесенным за его пределы.

В форме интервью представлена реплика Глеба Морева и Александры Петровой, данная ими «взамен обещанных, но не написанных писем с Ближнего Востока, где они путешествовали в то время, как в Петербурге проходили семинары на тему “Песок и вода”»³⁵. Молодые литераторы в разговоре с Ольгой Абрамович вели себя как мечтатели из фильма Бертолуччи — вспоминая поездку по Израилю, телесный опыт Мертвого моря, заигрывая с перестроечной культурной проблематикой без того, чтобы воспринимать ее всерьез. Из реплик следует, что ни в Иорданской пустыне, ни на Средиземном море, нигде на Ближнем востоке — песок не обнаружен.

Саша. Нет, там тоже все камни...

Глеб. А в одном месте там был песок, был! Я вспомнил³⁶.

Интервью интересно даже не принципиальностью влюбленных, отказывающихся говорить о чем-либо кроме любви, но редакционным решением включить этот материал в блок с содержательными репликами. Так настраивается рассеивающая линза самиздата, включающего структурно необходимый шум в производимую коммуникацию. Прагматика необязательности, антураж *small talk* должен сопутствовать передаче значимого сообщения, дефетишизируя его.

Двух дней коллоквиума оказалось недостаточно, и уже 26–27 сентября свежее образованная коллегия «Воды и Песка» собралась на семинар-продолжение. Две реплики сентябрьской дискуссии были напечатаны в «Митином журнале».

Первая принадлежит Александру Скидану, который еще в августе, готовясь к участию в дискуссии, вспомнил об одном месте из «В сторону Свана» М. Пруста, где возникает образ стеклянного сосуда, плывущего в реке по течению и наполовину наполненного речной водой.

34 Там же.

35 Морев Г., Петрова А. Как в фильмах Феллини. Интервью // Митин журнал. 1992. № 47–48 (URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4748/levk.shtml>).

36 Там же.

Стекло — как метаморфозис, как «гипостазис» песка, как... бы. Форма есть пустота, пустота и есть форма. Форма — как вместилище и изнанка, выжимка, динамическая граница между тем же и тем же, в сущности, между собой и собой (своим иным); ставшее, остановленное на время — время чтения — пере/воплощение³⁷.

Однако интерпретация найденного образа воды и песка не является главным событием доклада и эссе. Скидан делит текст на две части и первую посвящает истории поисков книги, о счастливой, случайной, как будто незаслуженной удаче в них и получении нового издания «В сторону Свана» в переводе Франковского; о сомнениях в правдивости собственных воспоминаний о тексте Пруста, о неразличении творческой фантазии и читательского опыта, о повторении вычитанной поэтической формы, о тщетных попытках сверить цитату, которая, как бы Скидан ни перелистывал книгу, ускользала.

Второй параграф эссе будто следует за ожидаемым, но пропущенным рассуждением о пассаже Пруста и представляет собой деконструкцию метафоры наводнения пространства содержимым сосуда текста — «прозрачная» художественная форма французского романа Пруста в Ленинграде-Петербурге наполняется стихами и биографией Пушкина, историей замысла поэмы «Медный всадник», чтением А.С. (инициалы подчеркнута тавтологичны) иностранных романских образчиков. Онейрический путь создания поэмы приводит Скидана к рассуждениям о том, как сливаются грезы реальности (течения реки) и художественная фикция (содержимое стеклянной посуды), о рекурсивных отношениях между структурой сна Фрейда и структурой знака Соссюра. Внимание к обстоятельствам вокруг доклада, хаотичность концептуальных переходов, непредсказуемо приведших от воспоминания о пассаже из Пруста к петербургскому сновидению русского классика, описывают медиальный кустарный фон литературного поля, актуальный для перестроечного андеграунда.

Второй доклад, опубликованный в «Митинном журнале» по следам сентябрьских событий, был назван буквально «О песке и воде»³⁸ и, по-видимому, по замыслу его автора, Аркадия Драгомощенко, носил программный характер. В свойственной Драгомощенко энигматичной манере эссе схватывает многие линии размышлений августа и сентября: о новом политическом субъекте, об историософии руинирования/перестройки, о медиальных средах коммуникации андеграунда и их прагматике в 1992 году. Эссе проявляет круг чтения Драгомощенко, включающий французскую критику (равно сюрреалистическую и структуралистскую), психоанализ и шизоанализ Делёза и Гваттари. «Песок» и «вода» здесь — в первую очередь выхолощенные языковые клише, пустые формы, расплескавшие означающие. Такое прочтение заглавных образов в некотором смысле повторяет тезис Левкина, однако для Драгомощенко важным оказываются не социокультурные следствия необходимости заново заполнять смыслом неизбывные сосуды письма, но констатация состояния пустоты, «развременение, точнее, раз-идентификаци<я>»³⁹. Драгомощенко концептуализирует такую среду коммуникации, в которой нет возможности

37 Скидан А. Л./абрис воды // Митин журнал. 1992. № 47–48 (URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4748/levk.shtml>).

38 Драгомощенко А. О песке и воде // Митин журнал. 1992. № 47–48 (URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4748/levk.shtml>).

39 Там же.

передать точное сообщение, но которая наэлектризована «непереходным намерением»⁴⁰, феноменом интенции к передаче. Культура андеграунда, продуцированная такой медиасредой, не способна быть продолжена, развита, но ее представители, отныне лишенные неофициальной идентификации (с чем мог согласиться Долинин и другие участники и участницы апрельской конференции), оказываются теми, кто, параллельно постструктуралистам, испытывает «наше бессознательное грамматикой восприятия» и «наблюдает изменение в самом изменении»⁴¹. К этому подталкивает опыт взаимодействия с самиздатом, насыщенный периферийными дискурсивными действиями, предлагающий перформативное воспроизведение сообщения для его адекватного восприятия.

Библиография / References

- Долинин В.* Ленинградский периодический самиздат середины 1950-х—1980-х годов // Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / Ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб., 1993. С. 3–21.
- (Dolinin V. Leningradskii periodicheski samizdat sere diny 1950-h—1980-h godov // Samizdat. (Po materialam konferencii «30 let nezavisimoi pečati. 1950–80 gody». Sankt-Peterburg, 25–27 aprel'a 1992 g.) / Ed. by V. Dolinin, B. Ivanov. Saint Petersburg, 1993. P. 3–21.)*
- Долинин В.Э., Северюхин Д.Я.* Преодоление немоты. Ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения 1953–1991. СПб: Издательство имени Н.И. Новикова, 2000.
- (Dolinin V.E., Severyuhin D.Ya. Preodolenie nemoty. Leningradskii samizdat v kontekste nezavisimogo kul'turnogo dvizheniya 1953–1991. Saint Petersburg, 2000.)*
- Долинин В.Э., Северюхин Д.Я.* Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда 1950-е — 1980-е: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д.Я. Северюхина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 7–51.
- (Dolinin V.E., Severyuhin D.Ya. Preodolenie nemoty // Samizdat Leningrada: 1950-e — 1880-e: Literaturnaia enciklopediia / Ed. by D.Ya. Severyuhin. Moscow, 2003. P. 7–51.)*
- Иванов Б.* По ту сторону официальности // Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / Ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб., 1993. С. 82–89.
- (Ivanov B. Po tu storonu oficial'nosti // Samizdat. (Po materialam konferencii «30 let nezavisimoi pečati. 1950–80 gody». Sankt-Peterburg, 25–27 aprelya 1992 g.) / Ed. by V. Dolinin, B. Ivanov. Saint Petersburg, 1993. P. 82–89.)*
- Комароми А., Кузовкин Г.В.* Каталог периодики самиздата. 1956–1986. М., 2018.
- (Komaromi A., Kuzovkin G.V. Katalog periodiki samizdata. 1956–1986. Moscow, 2018.)*
- Самиздат.* (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) / Ред.-сост. В. Долинин, Б. Иванов. СПб., 1993.
- (Samizdat. (Po materialam konferencii «30 let nezavisimoi pečati. 1950–80 gody». Sankt-Peterburg, 25–27 aprelya 1992 g.) / Ed. by V. Dolinin, B. Ivanov. Saint Petersburg, 1993.)*
- Bunn M.* Reimagining Repression: New Censorship Theory and After // History and Theory. 2015. № 54. P. 25–44.
- Zitzewitz J. von.* The Culture of Samizdat. Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union. London: Bloomsbury Academic, 2021.

40 Там же.

41 Там же.